

Нравственная память в поэзии А.Т. Твардовского

Война оставляет неизгладимый след в сознании человека, и чем дальше время отделяет от её страшных событий, тем с большей очевидностью она напоминает о важнейших основах бытия. Каждое последующее поколение осознает необходимость прикоснуться к великому подвигу своих предков, и эта потребность только растет. Художник посредством слова анализирует пережитое и воплощает в ярких образах захватывающие картины, не оставляющие равнодушными ни одно отзывчивое сердце. Одним из таких летописцев нравственной памяти человека в русской поэзии остается Александр Трифонович Твардовский (1910 – 1971).

Великая Отечественная война для А.Т. Твардовского стала особым рубежом жизни, за которым начинается внимательно строгое отношение к самому себе: теперь важно пройти не только свой путь, но и пронести на своих плечах судьбы товарищей, оставшихся навсегда за постоянно удаляющимся горизонтом. Можно ли говорить здесь о личной ответственности оставшихся в живых? Твардовский после войны обживает иную историческую перспективу, требующую личного участия каждого современника, чтобы память о погибших постоянно регулировала нравственные ориентиры личности.

Например, в поэме «Василий Теркин» (1941–1945) Твардовский сживается с миром военных будней простого солдата. Доступное слово поэмы являлось заветным ключом к сердцу каждого бойца, выводило его за рамки личной изолированности перед лицом страшных испытаний. Солдаты чувствовали причастность к великому общему делу, выпавшему на их долю, поэтому и носили в нагрудных карманах гимнастерки бережно сложенные страницы «Красной звезды» с текстом отдельных глав. Для автора обращение к повседневному труду солдат стало личным откровением, проникновением в святая святых человеческого ощущения скоротечности жизни в предстоящих испытаниях. Твардовский признавался, что в «Теркине» воплотилось всё его творчество в неразделимом потоке жанров, переживаний, идейных поисков. Поэма стала своеобразной формой вживания в происходящее, включенности в самый эпицентр противостояния с всеразрушающей силой.

В стихотворении «Я убит подо Ржевом» (1945–1946) поэт выбирает завораживающую форму повествования от первого лица, от лица погибшего

солдата. Тональность стихотворения передает не просто фактическое воплощение содержания, но за строками слышится внутренний диалог, который поэт лично ведет со своим поколением, навечно оставшимся на поле брани. Жесткость обращения героя – это неизменное состояние автора, живущего в атмосфере нарастающих требований выживших к самим себе. Твардовский вводит читателя в круг собственных неразрешимых вопросов, оставшихся после войны.

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать – горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать – не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, – счастье свое, –
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

Тема иного летоисчисления продолжается в стихотворении «В тот день, когда окончилась война...» (1948), потому что с окончанием войны люди, будучи уравненными перед жизнью и смертью, разделились на погибших и несущих память о невозвратимых жизнях. Великая ответственность, лежащая на живых, приобретает форму вечного долга перед павшими, вне времени и вне пространства.

Я ваш, друзья, – и я у вас в долгу,
Как у живых, – я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова, что нету веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых, –
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых – не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

У Твардовского проявляется два уровня проявления нравственной памяти: один – объективный, вписанный в историческую реальность, оттого оправданный гуманистической справедливостью. Другой – исходит из личной незаживающей раны, которая не даст человеку покоя уже никогда; может, это и есть то условие, при котором сохранится память о героях в сердцах многих и многих поколений, обязанных своей жизнью павшим на ниве ратного труда.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...